

Содержание

Часть первая

Мандалай

11

Часть вторая

Ратнагири

85

Часть третья

Денежное дерево

219

Часть четвертая

Свадьба

305

Часть пятая

Морнингсайд

367

Часть шестая

Фронт

451

Часть седьмая

Стеклянный Дворец

559

Примечания автора

639

Уведомление автора

645

Словарь

647

Памяти моего отца

Часть первая

Мандалай

Только один человек в харчевне знал наверняка, что это за звук разнесся над речной долиной вдоль серебристой ленты Иравади до западных стен форта Мандалай. Человека этого звали Раджкумар, и он был индийцем, мальчишкой одиннадцати лет — не та фигура, на чей авторитет можно положиться.

Звук был незнакомым и тревожным, далекий гром, за которым последовал низкий раскатистый рокот. Потом словно треск сухих веток, внезапный и резкий, который вдруг сменялся утробным грохотом, сотрясавшим харчевню, от чего дребезжали горшки с супом. В заведении имелось всего две лавки, и на обеих, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди. Было зябко, в Центральной Бирме начиналась короткая, но холодная промозглая зима, солнце не поднималось достаточно высоко, чтобы рассеять туман, на рассвете плывущий над рекой. С первыми ударами грома в харчевне повисло молчание, а следом хлынул шквал вопросов и шепоток ответов. Люди озирались в замешательстве: Что это? *Ба ле?* Что это может быть? А потом сквозь гомон предположений прорезался высокий, взволнованный голос Раджкумара.

— Английская пушка, — на свободном, но с сильным акцентом бирманском сообщил он. — Они стреляют где-то на реке. Направляются сюда.

Некоторые из посетителей нахмурились, заметив, что это сказал мальчишка-слуга, *калаа*¹ из-за моря — индеец с зубами белоснежными, как белки его глаз, и кожей цвета полированного дерева. Он стоял в центре харчевни со стопкой щербатых глиняных мисок. И улыбался смущенно и глуповато, как будто стеснялся выставлять напоказ свои познания, неположенные по возрасту.

Его имя означало Принц, но во внешности не было ничего королевского — забрызганная маслом рубаха, небрежно завязанная *лоунджи*² и босые ноги с загрубевшими мозолистыми подошвами. Когда люди спрашивали, сколько ему лет, он отвечал, что пятнадцать, а иногда восемнадцать или девятнадцать, это придавало ему уверенности и силы — выдавать себя за взрослого и самостоятельного, зрелого телом и духом, когда на самом деле ты всего лишь ребенок. Но Раджкумар мог даже сказать, что ему двадцать, и люди поверили бы, потому что он был крупным крепким парнем, выше и шире в плечах, чем многие мужчины. И поскольку он был еще и очень смуглым, не догадаешься, что подбородок у него такой же гладкий, как ладони, без малейших признаков пробивающегося юношеского пушка.

Тем ноябрьским утром Раджкумар оказался в Мандалае по чистой случайности. Его лодке — сампану, на котором он работал матросом и мальчиком на побегушках, — потребовался ремонт после плавания вверх по Иравади от Бенгальского залива. Хозяин судна переполошился, узнав, что на починку уйдет месяц, а то и больше. Он не мог себе позволить столько времени кормить команду, а потому принял решение: кое-кому придется найти себе другой заработок. Раджкумару велено было отправляться в город, что в паре миль от реки. На базаре, у западной стены форта, он должен был

1 Бранное слово, обозначающее жителя Западной или Южной Азии, чаще мусульманина; изначально относилось исключительно к выходцам из Индии и Шри-Ланки. — *Здесь и далее примеч. перев.*

2 Традиционная бирманская одежда — юбка, завязанная узлом на талии.

спросить женщину по имени Ма Чо. Она была наполовину индианкой и держала небольшую харчевню — может, у нее найдется работа.

Вот так и получилось, что в свои одиннадцать лет, входя пешком в Мандалай, Раджкумар впервые в жизни увидел прямую улицу. Вдоль этой улицы стояли бамбуковые хибары и крытые пальмовыми листьями лачуги, между ними высились кучи отходов, там и сям лежали навозные лепешки. Но прямую линию дороги не мог осквернить никакой хаос, тянувшийся вдоль нее, она была как несокрушимая дамба, пересекающая морскую зыбь. Она уводила взор вдаль через весь город, мимо красных кирпичных стен форта к далеким пагодам на холме Мандалай, сиявшим на склоне, как белые колокола.

Раджкумар был для своего возраста опытным путешественником. Сампан, на котором он работал, обычно держался в прибрежных водах, курсируя вдоль протяженного побережья, соединявшего Бирму и Бенгалию. Раджкумар бывал и в Читтагонге¹, и в Бассейне², и во множестве городков и деревень между ними. Но ни в одном из своих путешествий он никогда не встречал таких широких дорог, как эта в Мандалае. Он привык к улочкам и переулкам бесконечно извилистым, когда не разглядеть, что делается за следующим поворотом. А здесь нечто совсем новое — дорога, которая идет прямым неизменным курсом, и горизонт становится частью повседневности.

Когда же во всей своей грандиозности перед ним открылся форт, Раджкумар замер прямо посреди дороги. Цитадель, с ее тянущимися на целую милю стенами и безбрежным рвом, оказалась истинным чудом. Красные зубчатые стены почти в три этажа высотой, словно невесомо возносящиеся ввысь, с резными воротами, увенчанными семиярусными крышами.

1 Город на юго-востоке нынешней Бангладеш.

2 Город-порт в дельте Иравади.

Длинные прямые улицы расходились от ворот в разные стороны, образуя идеально ровную геометрическую сетку. Рисунок этих улиц завораживал настолько, что Раджкumar, исследуя их, забрел далеко от нужного ему места. Почти стемнело, когда он вспомнил, зачем его послали в город. Он вернулся к западной стене форта и принялся разыскивать Ма Чо.

— Ма Чо?

— У нее харчевня, она продает еду — *байя-гьо*¹ и прочее. Она наполовину индианка.

— А, Ма Чо. — Неудивительно, что этот индийский обורвыш ищет Ма Чо, у нее частенько подрабатывали индийские бродяжки. — Вон она, худая такая.

Хозяйка харчевни оказалась маленькой и изможденной, кудряшки жестких волос свисали надо лбом. Ей было за тридцать, и на вид скорее бирманка, чем индианка. Она жарила овощи, прикрывая рукой глаза от поднимающегося чада. Ма Чо с подозрением взглянула на Раджкumара:

— Чего тебе надо?

Только он начал объяснять про лодку, ремонт и что ему нужна работа на несколько недель, как она прервала его. И заверещала, зажмутив глаза:

— Ты что себе думаешь — у меня тут куча работы под мышкой, просто вынь да положи? На прошлой неделе один такой смылся и прихватил пару моих горшков. Откуда мне знать, что ты не такой же? — И так далее.

Раджкumar понимал, что взрыв негодования вызван все не его появлением, — это все жара, брызжущее масло и цены на овощи, а вовсе не он сам и не его слова. Опустив глаза, он героически стоял на месте, ковыряя ногой пыль, пока торговка не унялась.

Она замолчала, переводя дух, и окинула мальчика взглядом с головы до ног.

1 Горячая закуска, напоминающая маленькие пирожки или крокеты из бобовых, обжаренные в масле.

— Кто твои родители? — спросила она наконец, вытирая потный лоб рукавом влажной *аинджи*¹.

— У меня нет родителей. Они умерли.

Торговка поразмыслила, закусив губу.

— Ладно. Берись за работу, но помни, что получишь только еду три раза в день и место для ночлега.

— Мне большего и не нужно, — улыбнулся он.

Заведение Ма Чо состояло из двух лавок под бамбуковым навесом. Она готовила, сидя на маленькой табуретке у открытого огня. Кроме жареных байя-гьо, подавала еще лапшу и суп. Раджкумар должен был разносить посетителям миски с супом и лапшой. В остальное время он мыл посуду, поддерживал огонь и нарезал овощи в суповой котел. Рыбу и мясо Ма Чо ему не доверяла, их она резала сама узким *да*² с короткой рукоятью. По вечерам он мыл всю посуду сразу, таская ко рву форта полные корзины.

Между забегаловкой Ма Чо и рвом лежала широкая пыльная дорога, огибавшая громадный квадрат форта. Чтобы добраться до рва, Раджкумару нужно было лишь пересечь это открытое пространство. Прямо напротив харчевни Ма Чо находился мост, который вел к одному из непарадных входов, похоронным вратам. Раджкумар расчистил под мостом местечко, раздвинув лotosовые листья, покрывавшие поверхность воды. Это стало его персональной купальней, здесь он и мылся сам, и мыл посуду, а деревянные доски моста служили и зонтиком от солнца, и укрытием.

На том берегу начинались стены форта. Из того, что находилось внутри, можно было разглядеть только девятиярусный шпиль, завершавшийся сияющим позолоченным зонтиком, — это был великий золотой *хти*³ бирманских правителей. Под

1 Традиционная женская блузка, до середины XX века чаще укороченная, затем ставшая длиннее, обычно на кнопках или на завязках.

2 Традиционный нож с закругленным лезвием.

3 Традиционное завершение шпиля почти всех бирманских пагод. Буквально переводится как “зонт” — благоприятный символ в буддизме и индуизме.

шпилем располагался тронный зал дворца, где Тибо, король Бирмы, устраивал приемы вместе со своей супругой, королевой Супаялат.

Раджкумару было ужасно любопытно, что там в форте, но он знал, что для таких, как он, это запретная территория.

— Ты когда-нибудь бывала внутри? — спросил он однажды Ма Чо. — В смысле, в форте?

— О да, — важно кивнула Ма Чо. — По крайней мере трижды.

— И какой он?

— Очень большой, гораздо больше, чем кажется снаружи. Он как целый город, с длинными улицами, каналами и садами. Сначала дома чиновников и знатных людей. А потом вдруг оказываешься перед изгородью из громадных тиковых столбов. А за ней располагаются покои королевской семьи и их слуг — сотни и сотни комнат с полированными колоннами и блестящими полами. А прямо в центре громадный зал, как гигантский столб света, со сверкающими хрустальными стенами и зеркальными потолками. Люди называют его Стекланный Дворец.

— А король когда-нибудь выходит из форта?

— За последние семь лет — нет. Но королева с придворными иногда прогуливается вдоль стен. Те, кто их видел, рассказывают, что придворные дамы — самые прекрасные женщины на свете.

— А кто они, эти дамы?

— Юные девушки, сироты, многие из них еще совсем дети. Говорят, девочек во дворец привозят с далеких гор. Королева удочеряет их, воспитывает, а они ей служат. И еще говорят, что она никому, кроме них, не доверяет заботиться о ней и ее детях.

— А когда эти девушки выходят к воротам? — не унимался Раджкумар. — Можно на них хоть глазком глянуть?

Взгляд его сверкал, а лицо пылало от нетерпеливого любопытства.

— Ты что, — расхохоталась Ма Чо, — надеешься пробраться туда, глупый индеец, ты, черномазый калаа? Да тебя за милую опознают и тут же отрубят голову.

Той ночью, лежа на спине на своей циновке, Раджкумар смотрел через просвет между собственными стопами и вдруг увидел, как блеснул позолоченный хти — в той стороне, где дворец; он сиял, как маяк, в лунном свете. Неважно, что сказала Ма Чо, решил мальчик, он все равно переберется через ров — до того, как покинуть Мандалай, он найдет способ это сделать.

Ма Чо жила прямо над своей харчевней в бамбуковой хибаре, стоящей на тех же сваях. Шаткая занозистая лесенка соединяла ее комнату с помещением внизу. Раджкумар ночевал прямо под жилищем Ма Чо, между бамбуковых столбов, где днем сидели посетители. Полы у Ма Чо были сколочены кое-как, из плохо пригнанных досок. Когда Ма Чо зажигала у себя лампу, чтобы переодеться, через щели в полу Раджкумару отлично было ее видно. Лежа на спине, заложив руки за голову, он, не мигая, наблюдал, как она развязывала аинджи, свободно обернутую вокруг груди.

Днем Ма Чо была измученной издерганной мегерой, хватавшейся за все дела сразу, визгливо оравшей на каждого, кто попадется ей на пути. Но к ночи, когда работа заканчивалась, в движениях ее появлялась томность. Обхватив руками груди, она приподнимала их, охлаждая, обмахивалась ладошками, медленно проводила пальцами по ложбинке между грудей, по выпуклости живота, вниз к бедрам. Пока Раджкумар смотрел на нее снизу, рука его медленно ползла под узел лонджи, к паху.

Однажды ночью Раджкумар неожиданно проснулся от ритмичного скрипа досок наверху, стонов, вскриков и шумных вздохов. Но кто это там с ней? Он не заметил, чтобы кто-то входил.

Наутро Раджкумар увидел, как по лесенке из комнаты Ма Чо сползает маленький мужичок в очках, похожий на сову. Одет он был по-европейски: рубашка, брюки и мягкая шляпа. Наградив Раджкумара долгим печальным взглядом, незнакомец церемонно снял шляпу.

— Как поживаете? — спросил он. — *Кайса хай? Суб кукх тиик-таак?*¹

Раджкумар прекрасно понял его слова — именно их можно было ожидать от индийца, — но все равно удивленно открыл рот. С тех пор как пришел в Мандалай, он повидал множество разных людей, но этот незнакомец не был похож ни на одного из них. Одевался он как европеец и, кажется, знал хиндустани — по лицу же не был ни белым, ни индийцем. Больше всего, вообще-то говоря, он был похож на китайца.

Улыбнувшись потрясенному Раджкумару, мужчина водрузил шляпу обратно на голову и растворился в суете базара.

— Кто это был? — спросил Раджкумар у спустившейся вниз Ма Чо.

Вопрос явно вызвал раздражение, она грозно сверкнула глазами, давая понять, что не намерена отвечать. Но любопытство Раджкумара лишь возросло, он не отставал:

— Кто это, Ма Чо? Ну расскажи.

— Это... — отрывисто начала Ма Чо, как будто слова рождались из самой глубины ее утробы, — это... мой учитель... мой Саяджи.

— Учитель?

— Да... Он учит меня... Он знает много таких вещей...

— Каких вещей?

— Неважно.

— Где он научился говорить на хиндустани?

— За границей, не в Индии... Он откуда-то из Малайи. Малакки, кажется. Сам спроси.

1 Как дела? Все в порядке? (хинди)

— Как его зовут?

— Неважно. Ты можешь называть его Сая, как и я.

— Просто Сая?

— Сая Джон. — Она в гневе напустилась на него: — Мы все его так называем. Хочешь знать больше, сам его расспрашивай.

Она выхватила из потухшего очага горсть пепла и швырнула в Раджкумара.

— С чего это ты расселся и болтаешь все утро, ты, полудурочный калаа? Марш работать.

В ту ночь и на следующую Сая Джон не появлялся.

— Ма Чо, — поинтересовался Раджкумар, — что случилось с твоим учителем? Почему он давно уже не приходит?

Ма Чо сидела у огня, жарила байя-гьо. Не отрывая взгляда от раскаленного масла, она коротко бросила:

— Уехал.

— Куда?

— В джунгли.

— В джунгли? Зачем?

— Он подрядчик. Доставляет оборудование на лесные делянки. Редко бывает в городе. — И вдруг она выронила черпак и спрятала лицо в ладонях.

Раджкумар нерешительно подсел поближе.

— Почему ты плачешь, Ма Чо? — Он погладил женщину по голове, неловко выражая сочувствие. — Ты хочешь за него замуж?

Она потянулась к полам его потрепанной лоунджи и промокнула глаза комком тряпки.

— Его жена умерла год или два назад. Она была китаянка, из Сингапура. У него есть сын, маленький. Он говорит, что никогда больше не женится.

— Может, он еще передумает.

Ма Чо оттолкнула его в привычном приступе раздражения.

— Ничего ты не понимаешь, тупоголовый калаа. Он христианин. Каждый раз, как он ко мне приходит, наутро должен бежать в церковь помолиться и попросить прощения. Думаешь, я хочу замуж за такого человека? — Подняв черпак с земли, она погрозила им Раджкумару. — А теперь берись за работу, не то поджарю в горячем масле твою чернявую физиономию...

Через несколько дней Сая Джон вернулся. И вновь поприветствовал Раджкумара на ломаном хиндустани:

— *Кайса хай? Суб кухх тиик-таак?*

Раджкумар принес ему миску лапши и стоял рядом, глядя, как тот ест.

— Сая, — решился он наконец спросить, по-бирмански. — Как вы научились говорить на индийском языке?

Сая Джон поднял голову и улыбнулся:

— Я научился в детстве. Я был, как и ты, сиротой, подкидышем. Меня принесли католическому священнику в городе под названием Малакка. Там жили люди отовсюду — из Португалии, Макао, Гоа. Мне дали имя Джон Мартинс, но оно не прижилось. Меня обычно звали Джао, но позже я стал называть себя Джоном. Они говорили на очень многих языках, эти священники, и от того из них, что был родом с Гоа, я выучил несколько индийских слов. Когда я подросток и уже мог работать, я поехал в Сингапур, где служил санитаром в военном госпитале. А солдаты там были в основном индийцы, и они тоже задавали мне тот же вопрос: как так вышло, что ты, с виду китаец, но с христианским именем, говоришь на нашем языке? А когда я рассказывал, откуда научился, они смеялись и говорили: *ты дхоби ка кутта* — собака прачки, *на гхар ка на гхат ка* — ты ничему не принадлежишь, ни земле, ни воде, и я сказал: да, я именно такой и есть. — И Сая так заразительно рассмеялся, что Раджкумар тут же засмеялся вместе с ним.

Однажды Сая Джон привел в харчевню своего сына. Мальчика звали Мэтью, ему было семь лет, симпатичный ясногла-

зый малыш, не по годам сдержанный. Он только что приехал из Сингапура, где жил с родственниками матери и учился в известной миссионерской школе. Пару раз в год Сая Джон устраивал для сына каникулы в Бирме.

Вечер только начинался, обычно самое бойкое время, но в честь гостей Ма Чо решила закрыть заведение пораньше. Отозвав Раджкумара в сторонку, она попросила его сводить Мэтью прогуляться на часок-другой. На другом конце форта была пве¹ — мальчику понравится ярмарочная толчея.

— И помни, — тут ее яростная жестикуляция стала совершенно невнятной, — ни слова про...

— Не волнуйся, — с невинной улыбкой ответил Раджкумар, — даже не заикнись про твои уроки.

— Идиот калаа. — Сжав кулаки, она обрушила град ударов на его спину. — Убирайся, живо проваливай отсюда.

Раджкумар переоделся в свою единственную приличную лоунджи и надел потрепанную домотканую фуфайку, которую дала ему Ма Чо. Сая Джон вложил ему в руку несколько монет:

— Купи что-нибудь вам обоим, побалуйте себя.

По пути к пве их отвлек продавец арахиса. Мэтью проголодался и настоял, чтобы Раджкумар купил им обоим по большой порции. Они уселись на берегу рва, болтая ногами в воде и рассыпая вокруг ореховую скорлупу.

Мэтью вытащил из кармана листок бумаги. На листке картинка — трехколесная повозка, два больших колеса сзади и одно маленькое спереди. Раджкумар, нахмурившись, разглядывал картинку — по виду повозка, но непонятно, куда впрягать лошадь или вола.

— Что это?

— Автомобиль. — Мэтью показал детали — маленький двигатель внутреннего сгорания, вертикальный коленвал, горизонтальный маховик сцепления. Он объяснил, что этот

1 Ярмарка (бирм.).

механизм создает силу не меньшую, чем лошадь, и развивает скорость до восьми миль в час. В нынешнем 1885 году это устройство продемонстрировал в Германии Карл Бенц.

— Когда-нибудь, — тихо проговорил Мэтью, — у меня будет такой. — Он совсем не хвастался, и Раджкумар ему сразу поверил. Поразительно, как ребенок его возраста может так здорово разбираться в столь странных вещах.

Потом Мэтью спросил:

— Как ты оказался здесь, в Мандалае?

— Я работал на лодке, на сампане, вроде тех, что ты видел на реке.

— А где твои родители? Твоя семья?

— У меня их нет. — Раджкумар помедлил. — Я потерял родителей.

Мэтью разгрыз очередной орешек.

— Как?

— В нашем городе, Акьябе, случилась лихорадка, болезнь. Многие умерли.

— Но ты выжил?

— Да. Я болел, но выжил. Из моей семьи единственный. У меня были отец, сестра, брат...

— И мать?

— И мать.

Мать Раджкумара умерла на сампане, привязанном в мангровых зарослях в устье реки. Он помнил туннель навеса над лодкой — тростниковые обручи, поверх которых кровля из того же тростника; рядом с маминой головой, на деревянной палубной доске, стояла масляная лампа. Ее мерцающее желтое пламя затуманивало облачко ночных насекомых. Ночь была тихой и душной, мангровые деревья и их мокрые корни заслоняли от бриза, покачивающего суденышко меж двумя грязевыми отмелями. Но во влажной тьме, окружающей лодку, повисла тревога. То и дело доносились всплески — стручки падали в воду, а в илистой воде скользила рыба. Под навесом сампана было жарко, но мама дрожала в ознобе.

Раджкумар обшарил лодку и накрыл ее всеми тряпками, которые сумел отыскать.

К тому времени Раджкумар уже многое знал про лихорадку. В их дом она пришла с отцом, который работал в пакгаузах у порта. Он был тихим человеком, зарабатывающим на жизнь как *дубаши* и *мунши* — переводчик и писарь — у многочисленных купцов восточного побережья Бенгальского залива. Родом их семья была из Читтагонга, но отец рассорился с родственниками и уехал оттуда вместе со всеми домашними; он медленно кочевал вдоль берега, предлагая свои услуги и знания арифметики и языков, пока в итоге не осел в Акьябе, главном порте Аракана — бурного побережья, где Бирма и Бенгалия сливались в мятежном водовороте. Здесь он задержался на дюжину лет, народив троих детей, из которых старшим был Раджкумар. Их дом стоял на берегу небольшого залива, провонявшего сушеной рыбой. Родовое имя их было Раха, и когда соседи спрашивали, кто они такие и откуда явились, они всегда отвечали, что индусы из Читтагонга. Вот и все, что Раджкумар знал о прошлом своей семьи.

Следующим после отца заболел Раджкумар. Придя в сознание, он обнаружил, что они в море, вместе с мамой. Направляются обратно в родной Читтагонг, сказала мама, и еще, что они теперь остались вдвоем — все остальные умерли.

Плавание оказалось долгим и медленным, течение было против них. Сампан с квадратным парусом и его команда *кхаласи*¹ пробивались вдоль побережья, прижимаясь к берегу. Раджкумар быстро поправился, но затем пришел мамин черед заболеть. За пару дней до Читтагонга она начала дрожать в ознобе. Берег густо зарос мангровым лесом, и однажды вечером лодочник завел сампан в устье какой-то речушки и решил ждать.

Раджкумар закутал маму во все сари из ее узла с одеждой, накрыл лоунджи, одолженной у лодочника, даже сложенным

1 Портовые рабочие, работники на верфях, в более общем смысле — моряки.

парусом. Но вскоре зубы ее вновь начали стучать, тихонько, как игральные кости. Она позвала его поближе, поманила пальцем, чтобы наклонился. Почти прижавшись ухом к ее губам, он почувствовал, что тело источает жар, как пылающие угли.

Она показала узелок, завязанный на подоле ее сари. Там был спрятан золотой браслет. Мама вытащила украшение, отдала ему и велела спрятать в узле его саронга. *Накхода*¹, хозяин судна, надежный старик, сказала мама; Раджкумар должен отдать ему браслет, когда доберутся до Читтагонга, — только там, не раньше.

Мама сомкнула его пальцы вокруг браслета, согретый жаром ее тела, металл, казалось, плавился в его ладони.

— Останься в живых, — прошептала она. — *Бече тако*², Раджкумар. Живи, мой Принц, сохрани свою жизнь.

Голос угас, и Раджкумар внезапно расслышал хлюпающие звуки — сом резвился в грязи. Подняв глаза, он увидел, что накхода, лодочник, сидит на корточках на носу сампана, попыхивая кальяном из кокосовой скорлупы, и почесывает жиденькую седую бороденку. Его команда расселась вокруг хозяина, поглядывая на Раджкумара. Они удобно устроились, обхватив покрытые саронгами колени. И трудно сказать, что скрывалось за невозмутимостью в их глазах — сочувствие или нетерпение.

Теперь у него остался только браслет — мать хотела, чтобы он заплатил украшением за возвращение в Читтагонг. Но мать умерла, и к чему ему возвращаться в город, который бросил его отец? Нет, лучше уж он заключит сделку с накхода. Раджкумар отвел старика в сторонку и попросился в команду сампана, предложив браслет в качестве платы за обучение.

Старик внимательно оглядел мальчика. Сильный и усердный и, что важнее, уцелел после лихорадки, опустошившей

1 Капитан, шкипер (*хинди*).

2 Останься в живых (*бенгали*).

множество городов и селений на побережье. Одно это говорило о полезных качествах его тела и духа. Он кивнул и взял браслет: да, оставайся.

На рассвете сампан встал на якорь у песчаной косы и товарищи по команде помогли Раджкумару соорудить погребальный костер для матери. Руки мальчика задрожали, когда он подносил огонь к телу. Он, у которого прежде была такая большая семья, остался совершенно один и все свое наследство отдал за учебу у кхаласи. Но он совсем не боялся, ни единого мгновения. Испытывал лишь печаль и горечь — что родные покинули его так быстро, так рано, не познав богатства и почестей, которые, он был непоколебимо уверен, ожидают его в один прекрасный день.

Давно Раджкумар не говорил о своей семье. Среди матросов такие темы редко обсуждали. Многие из них происходили из семей, которые стали жертвами катастроф, часто обрушивавшихся на это побережье, и потому предпочитали не упоминать о печальном. Удивительно, как этот ребенок, Мэтью, с его грамотной речью и приличными манерами, сумел разговорить Раджкумара.

Раджкумар невольно расчувствовался. На обратном пути он приобнял мальчика за плечи:

— И надолго ты здесь?

— Я завтра уезжаю.

— Завтра? Но ты только что приехал.

— Знаю. Я должен был побыть тут две недели, но отец говорит, что грядет смута.

— Смута? — Раджкумар недоуменно уставился на мальчика. — Какая еще смута?

— Англичане готовятся направить флот вверх по Иравати. Начнется война. Отец говорит, они хотят захватить все тиковое дерево в Бирме. Король им этого не позволяет, поэтому они собираются его прогнать.

— Война из-за дерева? — расхохотался Раджкумар. — Да где такое слыхано?

И покровительственно похлопал мальчика по макушке: в конце концов, тот еще совсем ребенок, несмотря на взрослые ухватки и знание обо всяких чудных механизмах, — может, накануне ему просто приснился кошмар.

Но это оказался первый из множества случаев, когда Мэтью показал себя более мудрым и прозорливым, чем Раджкумар. Два дня спустя город охватили слухи о войне. Большой военный отряд промаршировал из форта и двинулся вниз по реке в направлении лагеря Минган. Смятение охватило базар, торговки рыбой повыбрасывали свой товар в помойку и поспешили по домам. Растрепанный Сая Джон примчался в харчевню Ма Чо. В руках он держал листок бумаги.

— Королевское воззвание, — объявил он. — За подписью самого короля.

Все в харчевне затихли, когда он начал читать:

Всем подданным Короля и жителям Королевства: эти еретики, английские варвары калаа, выдвинув в самой грубой форме требования, рассчитанные на то, чтобы нанести ущерб и даже уничтожить нашу религию, разрушить наши национальные традиции и обычаи, погубить нашу расу, демонстративно делают вид, будто готовятся к войне с нашей страной. Им был направлен ответ в соответствии с обычаями великих наций и в выражениях справедливых и взвешенных. Если все же эти иноземные еретики посмеют явиться и каким-либо способом предпримут попытку покуситься на покой нашего государства, Его Величество, который бдительно следит за тем, чтобы интересы нашей религии и нашего государства не пострадали, сам поведет в бой своих генералов, капитанов и лейтенантов во главе могучей армии из пехоты, артиллерии, кавалерии, боевых слонов, на земле и в море, и всей

мощью своей армии сметет этих еретиков и завоевателей и захватит их собственную страну. Отстоять религию, отстоять национальную честь, отстоять интересы страны — значит принести тройное благо: благо нашей религии, благо нашему господину и благо самим себе, и мы достигнем важной цели, обретя себя на пути к небесным полям и Нирване.

— Храбрые слова, — поморщился Сая Джон. — Посмотрим, что будет дальше.

После первоначальной паники улицы быстро утомонились. Базар вновь открылся, и рыбные торговки принялись рыгаться в отбросах, выбирая ранее выброшенное добро. Следующие несколько дней люди занимались своими делами, как обычно. Самым заметным изменением стало исчезновение не местных — не бирманских — лиц. Число иностранцев, живших в Мандалае, всегда было довольно значительным: дипломаты и миссионеры из Европы; купцы и торговцы греческого, армянского, китайского и индийского происхождения; разнорабочие и лодочники из Бенгалии, Малайи и с Коромандельского побережья; астрологи в белоснежных одеждах из Манипура; дельцы из Гуджарата — такого человеческого разнообразия Раджкумар никогда прежде не видел, пока не оказался здесь. Но теперь вдруг все иностранцы исчезли. Поговаривали, что европейцы сбежали вниз по реке, а остальные забаррикадировались в своих домах.

Еще через несколько дней дворец выпустил новое воззвание, на этот раз радостное — сообщалось, что королевское войско нанесло захватчикам важное поражение возле крепости Минхлá. Английская армия была разбита и отброшена за пределы государственных границ. Вниз по реке должна была отплыть королевская баржа, нагруженная наградами для солдат и офицеров. Во дворце планировалась церемония благодарения.

По улицам разносились радостные крики, дымка тревоги, повисшая над городом в последние дни, стремительно рассеялась. Ко всеобщему облегчению, жизнь быстро вернулась в норму: продавцы и покупатели вновь запрудили рынок, и в харчевне Ма Чо стало даже оживленнее, чем прежде.

А потом как-то вечером, помчавшись на базар пополнить запасы рыбы для Ма Чо, Раджжумар наткнулся на знакомую седобородую фигуру — накхода, хозяин сампана.

— Наше судно скоро отплывает? — спросил Раджжумар. — Раз война закончилась?

Старик криво ухмыльнулся украдкой:

— Война не закончилась. Пока нет.

— Но мы слышали...

— То, что слышно на реке, сильно отличается от того, что говорят в городе.

— А что вы слышали?

Хоть они и разговаривали на своем диалекте, накхода понизил голос.

— Англичане будут здесь со дня на день, — сказал он. — Лодочки их видели. Сюда идет огромный флот, какого прежде не бывало на этой реке. У них есть пушки, которые могут в пыль разнести стены форта, а суда у них такие быстрые, что обгоняют прилив; ружья их стреляют быстрее, чем вылетают слова изо рта. И они движутся, как океанский прилив, ничто не может встать на их пути. Сегодня мы слышали, что их корабли занимают позиции вокруг Мингана. Завтра, наверное, услышим канонаду...

И точно, на следующее утро далекий раскат взрыва прокатился по речной долине до самой харчевни Ма Чо у западной стены форта. Когда прозвучали первые залпы, рынок был забит народом. Крестьянки из предместий явились с утра пораньше и, расстелив циновки, разложили аккуратными кучками овощи. Рядом расположились рыбаки со свежим ночным уловом. Через час-другой овощи увянут, а рыбы гла-

за подернуться пленкой. Но пока все похрустывало и сияло свежестью.

Первые выстрелы вызвали лишь короткое волнение в утренней толчее. Люди озадаченно поглядывали в ясное голубое небо, а лоточники, нагнувшись над горами товара, спрашивали друг у друга, что случилось. Ма Чо и Раджкumar хлопотали с самого рассвета. Как всегда прохладным утром, люди заглядывали перекусить чем-нибудь перед дорогой домой. И вот привычное обеденное оживление прервал внезапный гул. Люди встревоженно переглядывались. Что за странный шум?

Тут-то и встрял Раджкumar.

— Английская пушка, — сказал он. — Они идут сюда.

Ма Чо захлебнулась от раздражения:

— Откуда тебе знать, что это такое, ты, дурак из дураков?

— Лодочники их видели, — ответил Раджкumar. — Целый английский флот движется сюда.

У Ма Чо харчевня была битком набита голодными людьми, и она не в настроении была позволить единственному помощнику отвлекаться на какой-то там шум.

— Довольно глупостей, — отрезала Ма Чо. — Марш работать.

Стрельба вдалеке стала сильнее, миски на лавках задрожали. Посетители беспокойно заерзали. На улице по соседству кúли уронил мешок с рисом, зерно белым пятном рассыпалось в дорожной пыли, и тут люди ринулись бежать, расталкивая друг друга. Лавочники сметали товар с прилавков в мешки и корзины, крестьянки вытряхивали свои корзинки в мусорные кучи.

Посетители харчевни вскочили на ноги, переворачивая лавки и роняя миски. Ма Чо в смятении напустилась на Раджкumара:

— Я велела тебе помалкивать, ты, идиот калаа? Посмотри, всех клиентов мне распугал.

— Я не виноват...

— А кто? Что мне теперь делать со всей этой едой? Что станет с рыбой, которую я вчера купила? — Ма Чо рухнула на табуретку.

А за их спинами, на опустевшей рыночной площади, собаки уже дрались за выброшенное мясо, собираясь в стаи вокруг мусорных куч.

